

ШАХТЕРСКИЕ ЗАБАСТОВКИ: ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

КРАВЧЕНКО Кирилл Альбертович - студент социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Начало систематическому обсуждению забастовочного движения в стране положил «круглый стол» редакции журнала «Социс» еще в 1989 г., когда на предмет возможности забастовок при социализме было опасно высказываться [1]. А своего апогея исследования забастовок достигли в 1993 г. Судить об их динамике можно по публикациям того же журнала.

Шахтерское движение изучалось с различных сторон. Детально освещались параметры забастовки и ее юридический статус. Обосновав необходимость конституционного закрепления статуса забастовки, ученые в результате предложили своего рода теоретическую модель рабочей забастовки [2]. Выдвигалось положение о том, что забастовочное движение будет шириться, поскольку сейчас [1991-1992 гг.] забастовка воспринимается многими работниками как единственно возможный способ разрешения конфликта с администрацией и повышения жизненного уровня (действительно, прогноз сбылся в 1993 г., когда наблюдался пик забастовочного движения и прежде всего среди шахтеров) [3]. Пожалуй, наибольшее освещение получили требования шахтеров, которым уделено внимание почти во всех публикациях. В частности, анализировалась их общая направленность — социально-экономическая (87% от общего числа в 1991 г.) [4].

Забастовка — предмет исследования не только специалистов в какой-то одной узкой области. Она получила звучание в общем контексте теоретических проблем социального конфликта [5]. Вывод конфликтологов о том, что социальный конфликт представляет собой не только негативное, но и позитивное явление, можно перенести на забастовки и утверждать, что они суть инструмент формирования гражданского общества и правового государства.

На мой взгляд, наименее изученными остаются такие вопросы как макросоциальный аспект забастовки, т.е. место данного явления в ряду других форм социального действия и его отношение к социальным институтам, механизм возникновения и функционирования забастовки, рассмотренный с точки зрения позиции и поведения агентов забастовки как представителей больших социальных групп, наконец, так называемая «терциаризация» трудового конфликта. В этой области нет ни одного эмпирического исследования, ни одного исчерпывающего теоретического анализа. И это не удивительно, если учесть методические подходы, их особенности и методологию стратегии ученых.

Что же из себя представляет забастовка как макросоциальное явление? Все многообразие форм коллективного протеста, на мой взгляд, можно расположить, основываясь на таком критерии как степень протеста, вдоль определенного континуума, на одном полюсе которого окажутся самые радикальные и масштабные по своим последствиям и характеру акции, а на другом - наименее радикальные и более локальные. В первом приближении данный ряд будет выглядеть следующим образом: революция - восстание - мятеж - бунт - переворот - смута - забастовка - рестрикционизм.

В западной социологии иногда революцию трактуют широко — как «острый и продолжительный кризис в одной или нескольких традиционных системах стратификации (класс, статус, власть), подразумевающий целенаправленные попытки элиты низвергнуть либо реконструировать одну или несколько указанных систем при помощи насилия и использования источников политической власти» [6]. Может ли такая позиция служить исходной точкой теоретического анализа забастовки на социетальном уровне?

С революционной акцией она имеет ряд сходных черт. Во-первых, та и другая формы коллективного сопротивления возникают в ситуации кризиса. В индустриально развитых странах забастовки - вещь привычная, можно сказать, регулярная и обыденная. В 70-е годы текущего столетия в Великобритании каждый год проходило более 2 тыс. забастовок, иначе говоря, ежедневно по несколько акций. Правда, все без исключения они носили социально-экономический характер. Кроме того, вся западная индустриальная культура основана на трудовом договоре, соглашении. Такова специфика индустриально развитых, а значит социально

стабильных обществ. Но в России шахтерские забастовки и раньше, и сегодня протекают под политическими лозунгами - за небольшим исключением.

Однако кризис - не единственное сходство революции и забастовки. Забастовка под политическими лозунгами и революция, ставящая непременно политические цели, стоят в одном социальном ряду. Такова чисто российская специфика. В отличие от западных стран забастовочные традиции у нас неглубоки, зато революционных традиций хватает. В результате возникает феномен «наплывания» целей одной формы социального действия на цели другой: они обе становятся политическими.

Различия между забастовкой и революцией кроются не только в масштабе действия и последствий (у первой они локальные, у второй - глобальные), но также в характере и статусе действий: забастовка по определению — мирный способ решения конфликта, а революция — немирный. Вторая непременно ведет к свержению правительства, первая заканчивается его уступками. Правда, недавние события в Воркуте и других добывающих регионах, где выдвигались угрозы расправиться с нынешним правительством, заставляют сомневаться в изначальном статусе забастовки как мирной формы коллективного протеста.

Напротив, есть все основания считать, что современная российская забастовка приобретает черты, свойственные революции, а именно она манипулирует источниками политической власти и прибегает к скрытым видам насилия. Действительно, когда все население может оказывать без света и тепла, когда заводы и фабрики могут просто остановиться, вряд ли разумно говорить только о мирных способах решения конфликта. На правительство оказывается прямое давление, а незримым заложником становится население.

У забастовки есть ряд сходных черт и с другими формами коллективного протеста, которые расположены на нашем континууме, например, восстание, бунт и мятеж. Протореволюционные действия отличаются от собственно революции локальным характером, отсутствием развернутой программы и идеологии, ограниченностью целей и требований, спонтанностью и эмоциональностью поведения участников [6, р. 39]. В отношении шахтерских забастовок в России вполне уместно говорить о «протореволюционном» действии, если мы вспомним не только нынешние угрозы низвергнуть правительство, но и недавние исторические события, в результате которых именно шахтеры во многом явились инициаторами прихода к власти правительства Ельцина.

К шахтерским забастовкам, пожалуй, не применимы только представления о перевороте. Хотя угрозы в адрес правительства носят не только политический, но и дворцовый характер, ведь шахтеры не выдвигают требований, чтобы на смену демократии обязательно пришли коммунисты или какая-либо диктатура. Они стоят за сохранение демократии, но за изменение ее социальной и экономической стратегии, иными словами, за переход власти от одной части элиты к другой, но в рамках по существу одной и той же по своим идеологическим ориентациям политической группы.

Состояние смуты - раздражения, неясно выраженного недовольства существующим положением дел - служит своеобразной закаткой для бунта и мятежа. В состоянии смуты неясно, чего именно хотят массы - их коллективная воля, не выражена. Бунт и мятеж - это целенаправленное выражение коллективной активности в агрессивных формах. Если поставленные цели не достигнуты или с бунтарями не удастся договориться (нередко при помощи обмана, насилия или военного подавления, как это происходило с крестьянскими восстаниями в дореволюционной России или с массовой забастовкой, произошедшей в Новочеркасске в 60-е годы), то смута постепенно перерастает в забастовку.

В экстремальных ситуациях, когда выдвигаются политические требования, смута может перерасти в восстание (примером служит известное кронштадтское восстание в 1918 г., которому предшествовало состояние смуты и выдвижение поначалу неполитических требований, связанных с улучшением уровня жизни и предоставлением крестьянам права распоряжаться землей). События в Новочеркасске невозможно однозначно квалифицировать: их можно называть забастовкой, как это официально сейчас принято, а можно - смутой, мятежом или восстанием. Как правило, восстание непосредственно предшествует революции и являет собой высшую форму организованного коллективного насильственного действия за исключением самой революции.

Очевидно, что у всех форм коллективного протеста есть общие черты. Одна из них - принадлежность к системе отношений «господство - подчинение». Смута, бунт, мятеж, революция и забастовка суть способы выражения несогласия тех, кто не имеет власти, с теми, кто ею наделен. Влияние - непреднамеренное воздействие одного субъекта на другого, власть - осознанное и преднамеренное. По своему содержанию оба типа социального действия различаются, но по результатам они сходятся. Так, результатом влияния и властного действия

является то, что один индивид (или группа) добивается от другого индивида (группы) поведения вопреки своей воле и сознанию.

Пожалуй, между правительством и шахтерами сложилась асимметрия в отношении власти и влияния: первое обладает всеми полномочиями официальной власти, но у него слабый авторитет в обществе и слабое влияние на шахтеров; вторые не имеют властных полномочий, однако их влияние на правительство крайне ощутимо. К чему способна привести асимметрия отношений? Видимо, там, где в отношениях господствующих и подчиненных существует симметрия, общество находится, скорее, в состоянии стабильности, а там, где возникает асимметрия, высока вероятность дестабилизации общества. В стабильном обществе правительство обладает высокой властью и сильным влиянием на население, в нестабильном правительством обладает только высокой властью, а оппозиция - сильным влиянием. Шахтеры все больше превращаются в оппозицию правительству.

Локус или место положения реальной власти в обществе находится там, где концентрируется контроль над самыми важными и дефицитными ресурсами. Поскольку контроль над ресурсами служит основой обладания власти, постольку распоряжение хотя бы одним видом дефицитных ресурсов придает группе или индивиду статус властного субъекта [7].

Преподаватели, ученые, артисты, студенты или домохозяйки не контролируют никаких дефицитных ресурсов, поэтому их забастовка вряд ли окажет на правительство то же влияние, какое оказывает забастовка шахтеров, водителей, нефтяников или авиадиспетчеров. Именно последние способны закрывать или ограничивать доступ к редким ресурсам. Соответственно их влияние на политику будет сильнее, чем влияние гуманитариев.

Степень потенциального влияния шахтеров на правительство можно рассматривать также в контексте дефицитности трудовых ресурсов. У шахтеров и диспетчеров труд сопряжен с риском для жизни. Логично было бы ожидать, что число желающих на шахтерские вакансии должно значительно уступать числу желающих стать преподавателями или артистами, но лишь при условии одинаковой оплаты труда. Однако в действительности зарплата шахтеров в несколько раз превосходит зарплату гуманитариев. Дополнительно оплачиваются условия и характер труда — риск, травматизм, заболевания, интенсивность и т.п. Только при таких условиях в обществе находится достаточное число желающих стать шахтерами. Стоит уравнивать оплату труда, как горняцкая специальность станет вакантной. Отсюда можно предположить, что степень влияния коллективного протеста определенной социальной группы пропорциональна дефицитности данной профессии.

Итак, два фактора - контроль над дефицитными ресурсами (в нашем случае над запасами угля) и дефицит трудовых ресурсов, которыми общество может располагать, заполняя данные рабочие места, - определяют степень социального и политического воздействия социальной группы на властные структуры.

Хотя непосредственной причиной (либо поводом) возникновения шахтерской забастовки может служить только материальный фактор - задержка зарплаты, инфляция и рост цен, плохие условия труда, мотивом поведения забастовщиков служат иные факторы. Совершенно очевидно, что социологу следует проводить четкое разграничение между причиной и мотивом забастовки. Причиной может выступать только угроза неудовлетворения первейших жизненных потребностей в пище, воде, жилье, одежде и т.п. Когда шахтерам недодают или вовсе не выдают зарплату, то под угрозой ставят именно такие потребности. Из высокооплачиваемой категории работников они сразу же переходят в разряд бедствующих, а это значит, что относительная бедность (которая всегда измеряется только через сравнение своего положения с положением других социальных групп) превращается в абсолютную (которая измеряется прожиточным минимумом).

Вряд ли шахтеры поднимутся на стачку, если в местный магазин не завезли сырокопченую колбасу или американские джинсы. Они не относятся к удовлетворению первой жизненной потребности. Но когда в магазине ничего нет, а в магазинах других городов - и это очень важный фактор, - все есть, шахтеры чувствуют себя экономически и социально ущемленными.

В застойный период снабжение продуктами питания провинциальных городов оставалось, мягко говоря, не на высоте, однако шахтерских забастовок не было и не только потому, что их запрещали. Все группы населения жили примерно на одинаково невысоком уровне. На таком фоне положение шахтеров не выделялось, особенно если учесть высокую зарплату и первоочередное снабжение продуктами шахтерских городов. Сегодня произошло резкое социальное расслоение. Сравнивая себя с другими социальными группами, особенно «новыми русскими», шахтеры начинают по-новому осмысливать свою роль в обществе, свое материальное положение и характер своего труда. Между ними возник и постоянно расширяется

разрыв: характер труда тяжелый, материальное положение низкое, а экономическая роль в обществе неизмеримо высокая (обеспечение страны топливными ресурсами).

Тогда напрашивается вопрос: а можно ли изменить свое экономическое положение экономическими же средствами, не прибегая к политическому давлению? В ряде случаев единственную возможность «приведения в соответствие» видят в массовых забастовках. Возможно, это первые ростки классового самосознания. Возможно, идет формирование первого социального и политического класса в российском обществе, который выступает как единое целое (даже «новые русские» в строгом смысле классом еще не стали).

ЛИТЕРАТУРА

1. Забастовки в СССР: новая социальная реальность // Социол. исслед. 1989. № 1.
2. Шаленко В.Н. Производственные забастовки как объект социологического анализа // Социол. исслед. 1990. № 7.
3. Андреевкова Н.В., Воронченкова Г.А. Развитие трудовых конфликтов в России в период перехода к рыночной экономике // Социол. исслед. 1993. № 8.
4. Киселева И.П. Чего все-таки хотят шахтеры? // Социол. исслед. 1992. № 3.
5. Теоретические проблемы социально-трудовых конфликтов (обсуждение за «круглым столом» // Социол. исслед. 1991. № 12.
6. Nagorian M.N. The phenomenon of revolution. New. York: Dodd, Mead and Co., 1975.
7. Кравченко К.А. Исследования организаций за рубежом // Социол. исслед. 1994. № 8-9.